

Снова настала пора прекрасной весны.

Мужчина в алой накидке прислонился к только что выпустившей первые почки иве и изо всех сил отталкивал рвавшегося к нему человека.

— Шиди, остынь, мы же в чужом гареме.

— Шисюн, я больше не могу терпеть. Черт побери, эта наложница только что позарилась на мою красоту и подсунула мне зелье с сюрпризом, помоги мне скорее развеять жар.

Говоря это, мужчина уже принялся распускать собственный пояс, намереваясь броситься на него.

— Ты ведь только вчера... Ты не выдержишь.

Пока они боролись, сзади подошла знатная дама в нежно-синем сказочном платье.

— Хэ-хэ, что вы тут собираетесь делать, мне дела нет, но вот чужую вину на себя брать я не намерена. В вине, что я тебе дала, и вправду кое-что было, но всё это лишь для укрепления крови и поддержания жизненных сил. К тому же ты не пригубил ни капли, так что будете вы тут кружить драконами или вить гнезда парой — исключительно ваше личное дело, к моим делам это отношения не имеет. Ой, и правда холодно. Не буду мешать вашему веселью.

Дама плотнее запахнула на себе одежду, прижала к груди муфту для рук и удалилась.

Пойманный с поличным на дешёвом трюке Бай Юйхуэй покраснел и наклонился, чтобы подобрать с земли пояс.

Но не успел он согнуться, как его подхватили на руки.

— Шисюн, пойдем в комнату.

— Шиди, у тебя уши покраснели. — Улыбаясь, произнес Бай Юйхуэй, пока Цзинь Линьюэ держал его на руках.

— Если ты продолжишь меня дразнить, я оприходуя тебя прямо здесь.

— Ничего страшного, потом я отыграюсь. У меня полно... Мм-м?

Цзинь Линьюэ бесцеремониально бросил его на кровать и стремительно навис сверху, наглухо запечатав своими губами всё еще норовивший что-то болтать рот.

Опыт подсказывал Цзинь Линьюэ, что лучший способ заставить Бай Юйхуэя замолчать — сделать так, чтобы он физически не мог открыть рот.

К счастью, Цзинь Линьюэ очень нравился этот простой и эффективный метод.

После того как мужчины провели сеанс глубокого общения, Цзинь Линьюэ с улыбкой спросил у Бай Юйхуэя, который, уставившись на полог кровати, молчал с видом маленького немого:

— На что это ты пялишься? Глаза не моргаешь уже столько времени.

— Эх, пожалуй, я кое о чем жалею.

— О чем?

— Когда я впервые встретил тебя при дворе Государства Шэньцзинь, мне следовало... — Бай Юйхуэй перевернулся и придавил Цзинь Линьюэ сверху, самодовольно заявив: — Раз уж знаешь, каково это на вкус, нечего было ломаться тогда и впустую тратить лучшие годы. Нужно всё наверстать.

...

Наверстывай, наверстывай потихоньку, впереди еще долгая жизнь.

Февраль в Государстве Шэньцзинь по-прежнему выдался суровым: завывал пронизывающий ветер, кружились хлопья снега. На тысячу ли вокруг простирались белоснежные просторы — красиво, но до жути холодно.

По извилистой тропинке, ведущей в Столицу, без усталости гнал коня гонец с флажком за спиной.

Свистящий ледяной ветер полосовал лицо, словно острый клинок, и если бы гонец не вцепился мертвой хваткой в поводья, от дикой боли он давно уже выпал бы из седла.

Поменяв за дорогу трех коней, гонец наконец увидел городские ворота Столицы.

Стражники издалека заметив развевающееся на ветру знамя, торопливо выскочили из импровизированной утепленной будки, разогнали толпившихся прохожих и распахнули створки ворот пошире, чтобы скачущий во весь опор конь влетел в город без малейших преград.

— Тц-ц, несется сломя голову, вряд ли к добру, — солдат по имени А обнял свое копье с красной кистью, выплюнул дынную семечку и проводил взглядом быстро удаляющегося

всадника.

— И то верно! Помнится мне, в прошлый раз, когда это знамя ввозили в столицу, принесли весть о смерти наследного принца предыдущей династии в Цичжоу, — перехватил разговор солдат по имени Б, сдувая пар с ладоней.

— Точно-точно, я тоже помню. С тех пор в Поднебесной и началась смута, а наш нынешний император...

Сунувшийся было послушать сплетни третий солдат заметил предостерегающий взгляд товарища и поспешно захлопнул рот.

— Господин, сегодня выезжаете из города? — услужливый солдат Б с заискивающей улыбкой подбежал к роскошной повозке и завязал разговор.

— Что такое? Нашему господину теперь перед тобой отчитываться, когда он покидает город? Не знал, что ты у нас птица такого высокого полета. — Сидевший на облучке повозки паренек, державший в руках хлыст, выглядел совсем молодым, но нрав имел крутой.

Заметив, что какой-то стражник осмелился расспрашивать о делах его хозяина, паренек тут же захотел проучить наглеца.

— Ни в коем случае, ни в коем случае! — Солдаты поспешно сложили руки в приветствии и принялись наперебой извиняться.

Штора повозки чуть приподнялась, изящная и белоснежная рука опустилась на плечо паренька, и из-за плотной материи раздался приятный на слух голос:

— Чего злиться? Сплетников просто бьют по губам.

Стражники никак не ожидали, что сегодня выдался столь неудачный день, и теперь горько раскаивались.

Но командиру стражи получить пощечину вот так, среди бела дня и безо всякой причины — значило потерять всякое уважение среди подчиненных.

Командир был вынужден склонить голову в почтительном поклоне и как можно спокойнее попросить:

— Прошу господина помиловать. Малодушие подчиненного привело к неуважению перед вами, умоляю господина учесть...

— Бай Лань, дать пощечину.

Два звонких удара мгновенно разорвали морозную тишину зимнего дня.

Командир схватился за пылающую щеку, собираясь возразить.

Сидящий в повозке добавил:

— Обсуждать хозяев за спиной — карается смертью.

Солдаты торопливо проглотили слова, уже подступившие к самому горлу.

Они согнулись еще ниже, опустили головы еще глубже и задрожавшими голосами произнесли:

— Благодарим господина за наставление.

— Поехали.

Повозка тронулась с места и мгновенно скрылась из виду.

Стоило ей отъехать на достаточное расстояние, как стражники сбились в кучу и принялись шептаться:

— И что сегодня с этим господином? Не в духе, что ли? Чего это он так взъелся?

Солдат по имени В, переведенный сюда меньше полумесяца назад и еще не знавший, кем был этот хозяин, чей голос он слышал, а лица так и не увидел, недоуменно спроил:

— Кто это такой? Сдается мне, птица высокого полета.

Солдат Б горько усмехнулся:

— Слышал про Улыбающегося Лиса? Это он и есть.

Солдат В шумно втянул воздух, внезапно всё поняв.

Лис с улыбкой на устах, господин Бай — в столице не было ни единого человека, который не знал бы этого имени.

При дворе, не считая нескольких близких родственников самого императора, наибольшим влиянием пользовались левый и правый премьер-министры.

Ниже премьер-министров располагались Шесть министерств.

Левый премьер-министр Мо Чжи и правый премьер-министр Мэн Цзэ опирались каждый на свою группу сторонников, образовав при дворе два непримиримых лагеря.

Среди Шести министерств ключевые посты в Министерстве чинов, Министерстве финансов и Министерстве наказаний занимали сплошь ученики левого премьера, отчего те естественным образом поддерживали его.

В оставшихся трех — Министерстве обороны, Министерстве ритуалов и Министерстве общественных работ — верховенствовали люди правого премьера, всецело стоявшие за Мэн Цзэ.

Обе партии не только изо дня в день грызлись на придворных советах, но и тайком изо всех сил старались потопить лагерь противника.

В стане левого премьера было много молодежи: они любили красоваться и вели себя дерзко. Ярчайшим примером тому служил министр чинов Бай Юйхуэй — несомненный лидер среди них.

Среди людей правого премьера преобладали солидные люди среднего возраста, на фоне которых двадцатидвухлетний Бай Юйхуэй, дослужившийся до столь высокого поста, казался невероятно выдающимся.

Больше всего в этом министре чинов запомнилось то, как полгода назад он уличил министра обороны во взяточничестве и казнокрадстве. На утреннем заседании он прямо перед лицом императора выложил тома с доказательствами, да еще и притащил неопровержимых живых свидетелей, нанеся министру обороны смертельный удар.

Не прошло и месяца, как министр обороны лишился головы на базарной площади.

Ходили слухи, что в день казни министр чинов лично явился туда, чтобы пошептать с приговоренным.

Неизвестно, чем именно он задел министра обороны, но тот, несмотря на туго стянувшие его веревки, набрался злости и бросился головой прямо на стоявшего в нескольких шагах и покачивающего веером улыбающегося Бая. Окружающие от неожиданности покрылись холодным потом. Однако господин Бай даже не думал суетиться: он неторопливо сложил веер и сделал шаг в сторону, пропуская удар мимо. Бывший министр обороны со всего маху врезался лбом в каменный постамент плахи.

Казнь еще не началась, а он уже был весь в крови — жуткое зрелище.

Зачинщик — господин Бай — лишь смахнул одной рукой брызги крови с подола мантии, а его улыбка стала еще ослепительнее:

— Дорогой господин, счастливого пути.

Один жест рукой — и голова министра обороны покатилась по земле.

Окровавленная голова катилась прямо к ногам Бай Юйхуэя, а тот взял да присел на корточки, чтобы бережно закрыть мертвецу глаза. На лице его от начала и до конца играла легкая улыбка, от которой у людей кровь стыла в жилах.

Прозвище Улыбающегося Лиса давали не просто так.

Министр обороны был человеком правого премьера, и с потерей столь мощного бойца чаша весов при дворе закономерно качнулась в другую сторону.

На следующий день, явившись на утренний совет, Бай Юйхуэй собственной кожей ощутил злобный взгляд правого премьера, готового содрать с него шкуру живьем.

И всё же он продолжал безмятежно улыбаться — так, словно вчера у его ног не валялась окровавленная голова.

Вскоре император назначил нового министра обороны — старика за пятьдесят, который раньше был простым чиновником ведомства и уже собирался на покой к концу года. Никто не ожидал, что на старости лет выпадет такой шанс вознестись на самый пик чиновничьей карьеры. От радости старик перепил вина, что тут же пробудило в нем давние болячки. Теперь он целыми днями то пил лекарства, то принимал врачей, и дела в Министерстве обороны погрузились в полный хаос.

Левый премьер тут же ухватился за возможность протащить в Министерство обороны своего человека на место прежнего чиновника, дабы вонзить смертоносный шип прямо в глаз правому премьеру.

Правый премьер, разумеется, был против.

Обе стороны затеяли долгую борьбу на истощение, и по сей день это кресло оставалось вакантным.

Император прекрасно видел замыслы обоих премьеров, но открыто встать на чью-либо сторону не смел, поэтому мог лишь закрывать глаза на их взаимную грызню.

К счастью, на сегодняшнем утреннем заседании в вопросе замещения этой должности наконец забрезчил рассвет.

кандидата выдвинул родной дядя императора, Аньпин-хоу. Человек, которого он порекомендовал, прошел все ступени отбора на местах: шел по стандартному пути, без особых заслуг, но и без провинностей, ни к кому не склоняясь. Он не был ни клиентом левого премьера, ни учеником правого. Император остался крайне доволен этим предложением и тут же поставил точку, повелев этому человеку, положившему конец противостоянию двух фракций, немедленно прибыть в столицу для доклада.

Бай Юйхуэй сегодня на совет не ходил, а потому ничего об этом не слышал.

В этот момент он находился за городом у пустынной горы, заложив руки за спину и глядя с пронизываемого ветром пика на крошечную столицу, переполненный внутренними чувствами.

Паренек по имени Бай Лань достал из повозки грелку для рук и протянул ее Бай Юйхуэю.

Бай Юйхуэй оттолкнул ее рукой и усмехнулся:

— Здоровый мужик, а таскаешь с собой девичьи штучки.

Бай Лань обиженно пробормотал:

— Хозяин, вы забыли, кто вам ее дал? Это же подарок от барышни из поместья Аньпин-хоу, она же сто раз наказывала носить ее с собой! Вот я и помогаю вам не забывать.

— О, тогда тебе обязательно стоит пользоваться ею с умом и не посрамить добрых намерений барышни.

Бай Лань сквозь зубы процедил:

— Хозяин, если вы продолжите надо мной подшучивать, в следующий раз, когда барышня из поместья маркиза придет к нам, я непременно скажу ей, что вы вовсе не больны, не заняты по службе и не отдыхаете, и попрошу зайти в поместье, чтобы как следует с вами поболтать!

— ...Ты мне угрожаешь?

Бай Лань слегка вздрогнул:

— Ни в коем случае...

— Ладно, прохладный ветерок меня вполне освежил, возвращаемся в поместье.

Бай Юйхуэй небрежно перехватил грелку из рук Бай Ляня и пробормотал себе под нос:

— И вправду холодно.

— Поделом. Выпал редкий выходной, вместо того чтобы погулять или пойти на рынок, потащился сюда мерзнуть на ветру — если не околеешь тут до смерти, уже хорошо, — пробурчал Бай Лань.

— Бай Лань, взгляни-ка на небо, там четыре больших иероглифа. Какое чудо.

Бай Лань услышал это, вытянул шею и принялся озираться:

— Где? Чего-то не вижу.

Бай Юйхуэй ехидно усмехнулся:

— Разве не написано?

— Где?

Бай Юйхуэй ткнул пальцем прямо перед носом Бай Ляня и отчетливо произнес:

— Не твоего ума дело.

...

Поскрипывая колесами, повозка тронулась в обратный путь по оставленной ими же колее.

Проезжая мимо городских ворот, сквозь подрагивающую занавеску Бай Юйхуэй мельком заметил, что щека у командира стражи всё еще красная и опухшая, и не удержался от легкого смешка:

— Сам напросился.

Стоило Бай Юйхуэю вылезти из повозки, как к нему навстречу, комично подпрыгивая на ходу и тряся пузатым животом, зашагал старый дворецкий с бараньими усиками.

Тот еще не успел толком выпрямиться, как выпалил:

— Хозяин, сегодня при дворе ЧП!

Бай Юйхуэй, не поднимая головы, продолжил подниматься по ступеням и с легкой улыбкой бросил:

— Нашлась кандидатура на пост главы Министерства обороны? Чей человек?

Заготовленная речь дворецкого застряла на полуслове, повисла неловкая пауза.

— Господин, до чего же вы проницательны! Даже не присутствуя на совете, всё знаете. Тот самый управленец ведомства, за которым мы так долго следили... Сегодня государь своим высочайшим словом отдал это место какому-то зеленому юнцу из провинции, которого порекомендовал Аньпин-хоу. Как же его звали...

Аньпин-хоу?

Шаг Бай Юйхуэя, переступавшего через порог, слегка замедлился, на лице промелькнуло удивление.

Аньпин-хоу отроду почти не подавал голоса на заседаниях: принадлежал к числу тех, кто со всеми соглашается, никого не поддерживает, но и не выступает против — этаким мастер разводить слякоть.

И вдруг — самолично выдвигает кандидатуру? Действительно странно.

Если нынешние маркизы и могли спокойно наслаждаться богатством и почестями, то главная причина крылась вовсе не в этой эфемерной родственной связи, а в их умении смотреть на вещи сквозь пальцы.

Не спорить, не выпрашивать, ничем не интересоваться.

Императору были нужны при дворе несколько сородичей, чтобы демонстрировать народу: он вовсе не лишен человеческих чувств.

Бесстрастный и лишний амбиций Аньпин-хоу подходил на эту роль идеально.

Бай Юйхуэй шел неторопливо, дворецкий семенил следом, бережно прижимая к груди снятую с хозяина меховую накидку и судорожно силясь припомнить только что вылетевшее из головы имя.

Бай Юйхуэй уже собирался войти в переднюю залу, как вдруг уловил доносившийся из угла тонкий аромат сливы — освежающий, проникающий в самую душу. Он повернул в сторону, чтобы полюбоваться цветами.

Дворецкий тенью следовал за ним и, наконец, хлопнув себя по бедру, выпалил:

— Вспомнил! Кажется, его зовут Цзинь Линьюэ.

Хрясь! — одна из нераспустившихся сливых ветвей была сломлена пальцами Бай Юйхуэя. Он поднес ее к самому носу и слегка втянул аромат.

Мм, неплохо.

Редкий отпуск подошел к концу, и Бай Юйхуэй вовремя явился в Зал Цзиньлуань.

Темно-красное чиновничье одеяние лишь подчеркивало бледность его лица, изможденного за последнее время.

Когда все придворные выстроились по ранжиру, резкий, пронзительный голос евнуха возвестил о появлении незнакомого юноши.

Молодой человек чуть за двадцать, худой и хрупкий, ступал необычайно легко.

В просторном Зале Цзиньлуань все до единого затаили дыхание, следя за ним. Он не выказал ни робости, ни высокомерия — шаг за шагом дошел до помоста, опустился на колени и отдал поклон со спокойной, безупречной плавностью.

<http://bllate.org/book/21823/2259726>